

6+

Елена Николаева-
Цыганкова

Сказка о сказке

Елена Николаева-Цыганкова

Сказка о сказке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62826041

SelfPub; 2020

Аннотация

Сказки бывают разные. Да вы и без меня это знаете. Все мы родом из детства, а значит, встречи со сказками у нас бывали не раз. Сказки бывают страшные, грустные, весёлые и забавные. Но самая лучшая из сказок – это наша жизнь. Мы пишем эту сказку самостоятельно. Я желаю вам сказочной жизни. Все мы немного маги и волшебники. И в наших силах написать радостную сказку бытия. А в этой книге сказок вам тоже встретятся различные сказки. И вам решать, какие сказки вам больше нравятся.

Содержание

Шарик и Дружок	4
Фрезы	14
Фердинанда и Бремсит	22
Генрих	29
Мы были кошками	39
Вышитые крыши	48
Стелла	52
Сказка о сказке	57
Лалика	62
Одуванчики	69
Котёнок-совёнок	79
Праздник цветения вереска	83
Ямирана	86
Два царя	92

Шарик и Дружок

– Шарик, бежим на пустырь.

– Ну какой же я Шарик, Дружок? Я ведь Сева.

– Прости, Сев, забываюсь, побежали. Кстати, я же тоже не Дружок. Я ведь Митяй.

– Ой, точно, Митяй, бежим.

И два пса припустили в конец улицы к пустырю.

Простите, всё же предыстория здесь будет нужна. Иначе вы не поймёте, отчего же речь идёт о мальчишках с собачьими кличками, или о собаках с именами мальчишек.

А дело было так.

В один из дней, вполне обычных, на первый взгляд, два друга Сева и Митя забрели на пустырь, который располагался на месте существовавшего ранее стадиона. И на этом пустыре они обнаружили новенький футбольный мяч. И, решив погонять с мячом, они его подобрали. Схватили его сра-

зу, то есть одновременно взяли в руки. И тут же, будто по волшебству или чародейству какому-то, мальчишки превратились в собак.

Не думай, дорогой читатель, что они тут же это почувствовали. Они и не заметили такой разительной перемены в своих телах.

Сева и Митяй, нагонявшись вволю с мячом, отправились по домам. Вот там-то их и ожидало удивление, граничащее с некоторой долей отчаяния.

Родители мальчишек, увидав каждый у дверей своих домов собак, которые радостно лаяли, не пустили их в дом. А только удивились тому, что собаки яростно лают и стремятся во что бы то ни стало проникнуть в дом. Удивились родители и всё. Нет, наверное всё же не всё, видимо, решив, что собаки голодны, они выбросили за порог дома косточки.

Как ни пытались мальчишки проникнуть домой, а они лезли и через заборы, и обходили дом с тыла, и пробовали пробраться домой через раскрытое окно, им никак не удалось убедить лаем своих родителей, что они – это они. И только к ночи ближе они поняли, что с ними что-то произошло.

В темноте ребята вновь встретились на пустыре. Луна в эту ночь лишь изредка выглядывала из-за туч, освещая пустырь сумрачным, призрачным светом.

Друзья бросились друг к другу столь стремительно, будто не виделись много времени. Мальчишки крепко обнялись, но тут же заревели в голос. Кто-то в ближайших к пустырю домах услышал жалобный собачий вой. Кто-то проходя мимо перекрестился. Кто-то просто поплотнее закрыл окна и задвинул шторы.

А псы сидели друг напротив друга и выли. Наревевшись вволю, они решили всё же разобраться, что с ними произошло. Сева спросил Митяя:

– Слушай, Мить, как же так случилось, мы же не волшебники какие, мы не делали ничего плохого. Но отчего-то с нами приключилась беда. Похоже, что мы с тобой стали кем-то другим, но не мальчишками. Родители мне кинули косточку у порога. Будто я пёс. И всё. Ни тебе «здравствуйте», ни тебе «иди руки помой и садись ужинать, сынок», ни тебе «марш спать, сорванец». Похоже, что мяч нам попался заколдованный. А кстати, где он? Мы же его оставили на том же месте, где и нашли.

Мальчишки оббегали весь пустырь, обнюхали каждый

куст, каждую травинку. Но ни запаха, ни мяча, ни следа от мяча не осталось.

Сева вновь спросил Митяя:

– Митяй, это же мяч виноват в нашем злключении? Как ты думаешь?

– Да, Сева, очень похоже, что мы теперь не мы, а собаки. Обычные дворовые псы. А ведь это даже интересно получилось. А давай, вместо того, чтобы грустить от того, что мы не мальчишки, а собаки бродячие, давай придумаем друг другу новые имена и будем пробовать жить так, как живут все собаки свободные. Ведь вспомни, ведь мы с тобой мечтали о ночных прогулках, о свободе. И вот она! Свобода! Желанная, долгожданная! Так ведь?

– Ух ты! Какой ты, Митяй, молодчина! Я-то и вправду загрустил от того, что родители нас не узнали. И ещё от того, что мне, как псу безродному, кость за порог выбросили. Так что же делать нам теперь? Вроде как и хотелось ночных прогулок и свободы, а теперь только есть хочется и выть, то есть реветь на луну.

И Сева снова вздохнул и затянул тягучую собачью песню, которую люди называют воем.

– Сева, ты как маленький ребёнок, в самом деле. Чего ты реवेशь-то? Радоваться надо. Ну не узнали нас родители и хорошо. Ночь наша, время всё наше. И в школу не надо. Понимаешь? Не надо!

– Ух ты, ты, Митяй, приносишь только радостные вести! Ты вообще молодчина! Точно, в школу не надо! Уроки долой, дневники долой. Воля! Свобода! Приключения!

– Сев, дело-то хорошее свобода, но мы хотели имена новые себе придумать. Ты какое имя себе придумал?

– О, я думаю, что имя Император мне бы очень подошло. Как думаешь, есть такие имена у собак?

– Ну, Севка, что-то ты себе громкое имя придумал. Для такого имени ты должен быть самым лучшим человеком, то есть псом. А дел-то хороших мы и не делали вроде. Плохих тоже не было кажется. Хотя, как же я забыл, что два месяца назад мы с тобой в школе уронили стеллаж в кабинете физики. И все приборы поломались. Но нам с тобой удалось избежать наказания, потому что мы не признались, что это сделали мы. А виновников так и не нашли.

– Да, Митяй, ты прав, какой я Император? Стыд один чув-

ствую, что мы с тобой обманщики. Ну чтобы нам было, если бы признались в том, что это мы разгромили все приборы? Ничего. От родителей только досталось бы. Эх, не Император я. Не Император. Ты прав, Митяй. Значит, я самый обычный Шарик. Простой Шарик. Буду Шариком. А вот когда мы, то есть если мы снова будем человеками, то тогда я обязательно признаюсь, что я разгромил этот стеллаж. Уж лучше быть честным, чем прятаться по углам. И даже имени собачьего – Император – не заслуживать. А ты, как тебя, Митяй будут звать теперь? Придумал уже?

– Да, Шарик, придумал. Раз ты с простым именем, так и я буду с простым именем, тем более, что я тоже виновен в поломке приборов тех. И я признаюсь, что виноват. Обязательно признаюсь. Ты прав. Мы не заслуживаем ни громких имён, ни почестей. Зря конечно, что так получилось. Но у нас с тобой всё же есть надежда, что нам когда-то удастся стать людьми. Я думаю, что раз я твой друг, то и имя у меня новое будет – Дружок.

И Митяй повторил своё имя громко, вслух – Дружок!

– А что, Шарик, вполне красивое имя. Так ведь?

– Да, Дружок.

И мальчишки, то есть Шарик и Дружок, перестав выть и потявкивать, понеслись к реке, что блестела невдалеке от городка, где они жили.

Накувыркавшись и наплескавшись в воде, мальчишки выскочили на берег, ловко стряхнули с себя брызги, побежали в парк. Они обнюхивали всё, что попадалось им по дороге, и в эту ночь Дружок и Шарик исследовали всю территорию города. Теперь они знали город по запахам. И им нравилось, что они могут идти куда угодно с закрытыми глазами.

Несколько раз в эту ночь они приходили к своим домам. Свет в окнах горел и горел. А родители искали своих детей по городу. Они оббежали всех одноклассников своих сыновей. Они исследовали каждую подворотню и всё время к ним подбегали поочередно то Шарик, то Дружок, а то и оба сразу. Но родители отмахивались от собак. А потом они почему-то решили, что собаки их зовут куда-то за собой. И они честно ходили по городу за псами. Они побывали и у реки, и на пустыре. Но им так и не удалось проникнуть в тайну Дружка и Шарика. Родителям было невдомёк, что не собаки гуляют с ними по городу, а их собственные дети.

А Шарик и Дружку вначале было немного обидно, что родители не понимают их. Что они не чувствуют, что это Сева и Митя. А потом, когда родители в изнеможении под

утро вернулись домой, Шарик и Митяй переживали за мам и пап, но помочь им не могли, хотя и пытались изо всех сил успокоить их. Они и подбегали к ним, и припадали на лапы, и виляли хвостами, и совали свои мокрые носы им в руки, но никто так и не понял их языка собачьего.

Утро наступило светлое, радостное. Но не для Шарика и Дружка и их родителей оно было радостным, хоть и светлым. Горевали родители. Горевать начали и псы.

Но всё же собакам не свойственно печалиться долго, тем более щенкам. Шарик с Дружком вновь с утра решили сбежать на пустырь. Им почему-то уже не хотелось быть собаками и носить не свои имена.

Быть может, мяч, который превратил их в псов, вернёт им былой облик мальчишек, на это была их надежда. Им уже не хотелось свободы, ночей, приключений. Они хотели делать уроки, они хотели в школу, они хотели признаться в давнем проступке в кабинете физики. Они рады были вновь стать людьми. Они и скулили, и подтягивали, и повизгивали. Они понимали теперь, что не в свободе дело, а в честном имени. И даже не важно, Шарик ты или Сева, Дружок ты или Митя. Главное быть человеком.

И вот тут и произошёл разговор, с которого начался рас-

сказ:

– Шарик, бежим на пустырь.

– Ну какой же я Шарик, Дружок? Я ведь Сева.

– Прости, Сев, забываюсь, побежали. Кстати, я же тоже не Дружок. Я ведь Митяй.

– Ой, точно, Митяй, бежим.

И два пса припустили в конец улицы к пустырю.

И ведь можете себе представить удивление Шарика и Дружка, когда они прибежали на пустырь и обнаружили в самом центре его футбольный мяч. Тот самый, новый. Они осторожно приблизились к нему и ткнулись в него носами. И чудо, о котором они молили, нет, не то чудо о свободе и приключениях, а чудо стать людьми, случилось.

Думаю, что читателю всё же будет интересно узнать, что мальчишки честно признались в том, что они разгромили стеллаж в кабинете физики. Да, им конечно досталось от родителей. Но они были счастливы, что нашли в себе силы сказать правду, какой тяжелой бы она ни была. И им была приятна мысль, что если они по каким-то причинам вновь ста-

нут собаками, то они смогут выбрать себе достойные своим поступкам имена.

Фрези

Дома в этом городке стояли так близко друг к другу, будто грелись в стужу.

В одном таком островерхом домике, по-другому и назвать его трудно, ведь это был именно домик, а не дом, жила-была Фрези.

Именно так звали фею. Она ютилась на самом верхнем этаже домика. Нижние этажи у неё не было возможности занять. Ведь комнаты внизу стоили очень дорого, а у Фрези не было денег. Комнатку, в которой она сейчас жила, она уже не могла оплатить месяц, до этого она работала в цветочном магазине, но магазин теперь закрылся, и Фрези осталась без средств к существованию. Хозяин домика теперь часто спрашивал, когда же она сможет вернуть ему долг. Фрези обещала отдать деньги за комнатку в ближайшие дни, и ещё сказала, что сможет оплатить жильё за несколько месяцев вперед.

Дело в том, что Фрези обещали работу во дворце короля. У дочери короля Мароли часто болела голова из-за того, что её мучили ночные кошмары. А Фрези умела менять сны кошмарные на радостные. Она садилась к изголовью больного и всю ночь плела кружево сказочных снов. И больной, ко-

торого до этого дня мучили сны страшные, выздоравливал.

Король приглашал различных знахарей и лекарей иностранных, но толку от их лечения не было. А про Фрези Король узнал случайно. Три дня назад, гуляя в саду, он и Мароли увидели за кустом розы Фрези. Она пела, а птицы, все, которые были в округе, окружили тот самый розовый куст, где сидела Фрези, густым кольцом. Они сидели, очарованные пением. И даже не смели шелохнуться.

Мароли, у которой до прогулки несносно болела голова от ночных кошмаров, услышав пение Фрези, тут же позабыла о боли. И замерев у куста, подобно замороженным птахам, притихла. На сердце Мароли стало светло и радостно. Боль ушла.

Фрези, закончив свою песню, встрепенулась, и увидев, что вокруг неё собрались и птицы, и даже король с принцессой, смутилась. Но нашла в себе силы не исчезнуть, подобно феям, а поклониться слушателем и поблагодарить их за внимание к её пению.

Три дня король размышлял об увиденной девочке рядом с розовым кустом и услышанном. Он в мельчайших подробностях вспоминал каждый звук той песни, которую им с прин-

цессой удалось услышать тогда. А когда он поговорил с Мароли, то пришёл к выводу, что пение девочки помогло принцессе избежать кошмаров на целых две ночи и спать спокойно.

Король разослал гонцов по всему городу, чтобы они разыскали эту певицу, которая очаровала их в саду, и передали ей письмо, в котором он просил пожаловать певицу в королевский дворец для помощи принцессе. Король обещал щедро отблагодарить её.

Гонцы нашли Фрези к вечеру того же дня.

Она охотно согласилась прийти во дворец и помочь принцессе не потому, что она очень нуждалась в средствах, а потому что не умела пройти мимо того, кто просил её помощи.

Сообщив хозяину своей крохотной комнатки, что оплатит своё жильё уже завтра, она собралась во дворец.

Возможно вы думаете, что если она фея, то у неё не может быть бед, с которыми обычно сталкиваются люди. Но это не так. Конечно, Фрези могла воспользоваться своей волшебной силой и найти денег для оплаты жилья и покупки еды. Но она хотела заработать деньги честным трудом. Потому что она и жила в таких скромных условиях и не пользовалась тем, чем

легко могли воспользоваться другие феи.

Фея эта была не совсем обычна. Да, конечно, у неё были крылья. Но она их скрывала под одеждой. У неё был дивный голос, который очаровывал не только людей, но и животных, и птиц, но она не была человеком. А очень хотела им стать. Отчего в ней жило такое желание, она не догадывалась, но всегда стремилась стать человеком.

Вечером того же дня, когда к Фрези пожаловали гонцы с письмом, она предстала перед королем и принцессой.

Король рассказал Фрези, что у принцессы не недуг в полном смысле слова, а ночные кошмары, которые мучают её уже давно. И, вспомнив их встречу в саду и её дивное пение, он попросил фею вылечить своими песнями Мароли.

Фрези была уверена, что ей удастся помочь принцессе спать спокойно и видеть чудные сны, поэтому они вместе с Мароли, как две подружки кивнув друг другу, как старые знакомые, побежали в покои принцессы.

Мароли рассказала о своих страшных снах, которые снились ей в последнее время.

Во сне, который ей снится чаще всего, она идёт по мо-

сту, который рухнет под её ногами за два шага до противоположного берега. А ей очень нужно перейти на другой берег, потому что на том берегу лежала без чувств незнакомая принцесса, а Мароли знала, что должна надеть ей свой медальон, тогда она очнётся. Но мост рухнет и Мароли летит вниз, в пучину речных вод.

Мароли добавила, что после встречи с Фрези в саду и её пения кошмары отступили, но сегодня страшный сон с мостом и невозможностью спасения другого человека ей приснился вновь.

Принцесса попросила Фрези петь ей песни, которыми она очаровала их с отцом в саду три дня назад.

Мароли сказала, что в то время, когда она слушала пение Фрези, ей было так тепло и легко на сердце, что она забыла, что находится в саду, ей казалось, что она летит облаком белым в небе.

В спальню, постучав, зашла служанка, она приходила каждый вечер, чтобы помочь принцессе раздеться, умыться и расчесать её длинные косы.

Когда служанка вышла, сделав всё, зачем пришла, Фрези

спросила Мароли:

– А кто эта служанка? Откуда она появилась у вас во дворце? У неё печаль стоит в глазах. И мне отчего-то показалось, что когда она причёсывала вас, слезинка выкатилась у неё из глаза.

Принцесса ответила:

– Эту девочку отец нашёл у дороги, когда возвращался с рыцарского турнира. Она лежала без чувств на дороге ко дворцу. Он её привёз к нам во дворец, так она у нас и осталась. А девочка, когда пришла в себя, припомнить ничего не могла, даже имени своего она не помнила, так что Лореция осталась у нас. Имя мы ей дали сами, и она теперь помогает мне справиться с волосами и с одеванием. Лореция мне всегда казалась тихой, но я не замечала печали в её взгляде.

Рассказав свой сон и поведав о служанке, принцесса прилегла на кровать, а Фрези села рядом и запела песни о ветрах, которые летают наперегонки с птицами и облаками, пела она о людях, которые косят травы летние, о дубравах могучих, о реках серебристых. И сон сморил принцессу.

Этой ночью ей приснился сон, в котором она наконец-то перешла через мост. И привела в чувство бездыханную де-

вочку. Принцесса надела на неё свой медальон, который был подарен ей отцом, когда она родилась, и незнакомка очнулась.

Утром, едва открыв глаза, принцесса увидела сидящую рядом с ней Фрези. И она прошептала:

– Фрези, я перешла мост. Я его перешла. Наконец-то. Я спасла эту девочку. Знаешь, мне кажется, я видела её раньше. У неё такое знакомое лицо. Сейчас, сейчас я вспомню её. Я же знаю эту девочку.

Раздался стук в дверь, и на пороге появилась Лореция.

Мароли, подскочив на кровати, бросилась к ней. И сняв свой медальон надела его на Лорецию. Личико Лореции будто осветилось солнцем. Она прижала к груди медальон и прикрыла глаза, будто воспоминания к ней возвратись вместе с ним. И она произнесла:

– Мароли, я вспомнила всё.

И она, опустившись без сил на пол, рассказала, что имя её Мирела, что она сестра Мароли. Сестра, родившаяся в тот же день, когда и Мароли. Что, когда она родилась, её похитили недруги, чтобы насолить королю, и отвезли в лес, где

она выжила лишь благодаря дровосеку, нашедшему её и воспитавшему как свою дочь. Но медальон, надетый сестрой, вернул ей память с момента рождения.

Король, узнав о том, что у него появилась вторая дочь, закатил пир на весь мир. Дровосек тоже был на этом пиру. Обе принцессы были счастливы. Фрези всё же удалось стать человеком. Именно она помогла Мароли перейти тот страшный мост, Да, она воспользовалась своей волшебной силой для помощи принцессам. Но она не говорила об этом. Фрези не осталась жить во дворце, хотя её и приглашали остаться там навсегда. Она по-прежнему живёт в своей крошечной комнатке, но её часто приглашают во дворец, она там поёт.

Неизвестно, печалится ли Фрези от того, что у неё не стало крыльев. Но точно известно, что она рада тому, что ей удалось стать человеком.

Фердинанда и Бремсит

Вот мой секрет, он очень прост:

зорко одно лишь сердце.

Самого главного глазами не увидишь.

«Маленький принц»

Антуант де Сент-Экзюпери

Фердинанда с трудом пробиралась по узкому и тёмному проходу лабиринта, пачкая своё платьице о земляные стены лаза и задевая выступы прохода корзинкой с припасами. Она почти не разбирала дороги, но знала, что направление держит верное. Фонарь её светил достаточно сильно, но дороге она видела не очень хорошо. Потому что под землей нет солнца, и глаза подземных жителей отвыкают от света и почти перестают видеть. Фердинанда – подземная жительница – землеройка. А путь её лежал к Бремситу. Он её друг – крот. Они давно познакомились при весьма странных обстоятельствах. В настоящее время Бремсит не имел возможности сам прийти в гости к Фердинанде, он болел. Но он очень её ждал.

Он лежал в своей тёплой кровати и вспоминал о том, как он впервые увидел Фердинанду.

День тогда был дождливый, Бреmsит занимался осушением территории, которая примыкала к его подземному домику, но решил немного передохнуть и вылез на поверхность земли. Дождь охладил его. Ведь работал Бреmsит не покладая рук с утра. Совершенно неожиданно рядом с собой он почувствовал шевеление земляного слоя, от неожиданно-близкого шевеления дёрна Бреmsит спрятался в нору, из которой только что выбрался. Сердце его замерло от страха. Но вдруг он услышал писк и крик. Страх не удержал Бреmsита в земле, а наоборот вытолкнул его наружу. Крот и сам не ожидал, что умеет взлетать. Рядом с горкой земли, которую он только что покинул, стояло ужасное и огромное существо. Оно рычало и скалилось, держа за нежно-розовое платье юную землеройку. Землеройка пищала, кричала, но было непонятно, почему она пищит, то ли от страха, то ли от восторга. Видимо, она позабыла все слова и сейчас от неё исходили только невнятные звуки, которые не поддаются переводу.

Бреmsит же решил, что нужна его помощь, что юное существо в опасности. И поэтому он не просто вылез из земли, он из неё взлетел. Пёс впервые увидел летающего крота, и

от изумления выронил землеройку. Недоумевающий, он сел на мокрую траву и в изумлении уставился на двух зверьков. Потом он всё же прикрыл пасть и спросил:

– Вы что это тут затеяли? Это моя территория, здесь посторонним нельзя ходить. Кстати, а вы кто такие и откуда взялись?

Бремсит, отложив лопату, с которой он, кстати, и вылетел из земляной норы, и поправив свои тёмные очки, представился, назвал своё имя и сказал, что Земля общая. Только не все об этом знают. И в свою очередь спросил пса:

– А ты кто такой? И зачем мучил землеройку?

И Бремсит оглянулся и пристально стал искать землеройку, видел он так же плохо, как и она. Он прищурился и увидел, что она перебралась поближе к норке, из которой недавно вылетел Бремсит.

Пёс почесал лапой лоб, протёр глаза и ответил:

– Я Конор, а землеройку я и не мучил. Мне интересно было, кто это. Я хотел её принести хозяйке, а она может мне растолковала бы, кого же я обнаружил на лужайке за домом.

И тут Конор и Бремсит обратили свои взгляды на землеройку и почти хором спросили её:

– Ты кто такая? И откуда ты? Как зовут тебя?

Землеройка очень учтиво и галантно поклонилась и Бремситу, и Конору, и сказала, что её имя Фердинанда. Что её назвали так в честь знаменитого пса, с которым водил дружбу её отец, что она подземная принцесса, что её лишь сегодня отпустили впервые гулять без мамок и нянек. А она, решив, что мир слишком мал и в нём невозможно заблудиться, долго гуляла. Гуляла и думала обо всём на свете, а потом её внимание привлекли странные звуки, раздающиеся у неё над головой. И она решила посмотреть, что же там наверху, а когда подобралась к этому верху, то по носу её ударили капли дождя, а потом она почувствовала, что взлетает. И от радости, что мир велик, он огромен, она закричала.

Проговорив эту речь, Фердинанда снова поклонилась, будто была на сцене, и сказала, обращаясь и к кроту, и к псу:

– Знаете, мистер Конор и мистер Бремсит, я теперь считаю вас своими друзьями. Потому что мистер Конор помог мне почувствовать взлёт и падение, а мистер Бремсит показал мне полёт бесстрашия. Я благодарна вам обоим! – поклонившись, произнесла Фердинанда.

Пёс заулыбался, никто ему ещё не кланялся, никто ещё не благодарил так тепло. И мистер Бремсит был удивлён Фердинанде, он был знаком со многими землеройками, но такая удивительная и смелая, та, которую легко мог съесть пёс, а она кричала от восторга полёта и радости падения, такая вот ему встретила впервые. И он тоже улыбнулся ей.

Пока друзья разговаривали на лужайке за домом, дождь утих. Из-за дома послышался смех ребёнка, и тотчас же друзья увидели бегущего в их сторону малыша. Пёс вскочил и заметался между друзьями и девочкой, которая бежала от дома и кричала:

– Конор, ко мне, иди ко мне, я скучала без тебя!

В её тоне звучала неподдельная радость. И тут внимание ребёнка привлекли земляные горочки, из которых недавно вышли на поверхность Бремсит и Фердинанда. Девочка остановилась, примолкла и с удивлением посмотрела на Фердинанду в платице и на Бремсита, который в очередной раз поправлял на носу свои очки.

Девочка присела перед ними на корточки и сказала зверькам:

– Добро пожаловать в Мариокский сад! Моё имя – Лили, а вас как зовут? Нет, не говорите мне своих имён. Я их угадаю.

Девочка прикрыла глазки, и лицо её стало серьёзным. Некоторое время спустя она распахнула глаза и проговорила:

– Добро пожаловать в наш сад, мисс Фердинанда и мистер Бремсит!

Землеройка и крот, удивлённые больше чем пёс, открыли рты от изумления. И потом вместе выдохнули свой вопрос:

– Как, как, Лили, тебе удалось узнать наши имена?

Лили рассмеялась радостно и звонко и сказала им:

– Мне мама говорила, что слушать надо своё сердце. Я послушала его, а оно мне подсказало, что мисс Фердинанда – подземная принцесса, что раньше она часто грустила без доброго и храброго друга. Что имя Фердинанде дал отец в честь своего друга. И ещё мне сказало сердце, что род принцессы очень древний, что это справедливый род, что все землеройки, независимо от происхождения, призваны для помощи людям. Сердце моё мне говорит, что землеройки умеют делать землю, которую обрабатывают люди, более плодородной. Землеройки и кроты строят свои лазы, лабиринты и

подземные дворцы не просто так, именно их проходы дают возможность земле дышать и плодоносить.

А про мистера Бремсита мне сердце сказало, что он очень одинок, но всегда мечтал о верном и преданном друге. И лишь благодаря сегодняшнему дождю, милому Конору, – и Лили ласково взглянула на мокрого пса, – вы нашли друг друга.

Девочка протянула свои ладони к Фердинанде и Бремситу, и они взошли на её руку, будто на лестницу, не опасаясь за свои жизни. Потому что и они знали, что детские сердца умеют любить и говорить. И что дети слышат тихий шёпот сердца.

После той дождливой встречи Бремсит простыл. Видимо, изрядно промок под дождём.

А Фердинанда, Бремсит, Конор и Лили дружны и сейчас.

Генрих

Генриху я обязан многим, если не всем, что есть во мне хорошего.

Генрих – это мой друг. Он дождевой червь.

Не удивляйтесь, пожалуйста, тому, что люди умеют дружить с червями. Если вам неприятна даже мысль о такой дружбе, то не продолжайте чтение, а тот, кто всё же заинтересовался историей о Генрихе, пусть читает с удовольствием дальше.

Расскажу немного о себе. Зовут меня Ник. Мне десять лет, а с Генрихом я знаком уже пять лет. Мы с ним друзья не разлей вода.

Познакомился я с ним, когда впервые приехал на ранчо к дедушке с бабушкой. Деда моего зовут Джо. Он просит меня, чтобы я называл его старина Джо. Я так его и зову. Он всегда довольно улыбается, когда слышит моё обращение к нему. Бабулю зовут Мэри. Она милая. Души не чаёт в старине Джо и во мне. Но об этом я узнал не сразу как приехал, а позднее.

Мамочку мою зовут Лиз. Она уехала открывать балетную

школу на Мадагаскар, а брать меня с собой она не решилась. Поэтому она отвезла меня к родителям моего отца.

Отца у меня нет. Он погиб, когда его корабль попал в шторм в Атлантическом океане. Я своего отца знаю только по фотографиям. Он везде улыбается. Зовут его Дик. Не удивляйтесь тому, что я говорю о нем в настоящем времени. Он для меня живой и сейчас. Я знаю, что он хранит меня, как ангел.

Ну вот, я чуть отошёл от рассказа о своём друге Генрихе. Но мне кажется, что вам интересно было узнать и о моей семье.

В ту самую первую весну, когда я увидел бабулю и деда, для меня мир будто бы засиял по-другому. Нет, неверно, не засиял даже, он будто перевернулся.

Вот как это было.

На следующий день после моего приезда дед засобирился на рыбалку и отправил меня в сад накопать червей для приманки рыб.

Понятное дело, что ни с лопатой, ни червями я не встречался раньше. Детские лопатки и совки я не считаю. Здесь

же все настоящее.

Но тем не менее я пошёл в сад и воткнул огромную лопату в грунт. Когда я вынул ком земли и увидел, как на нём восседает некто, я присел в удивлении.

– Здравствуйте! – сказал я этому созданию.

– Здравствуй, Ник! – ответил мне этот некто.

Я снова обратился к существу:

– А вы кто?

– Я Генрих! – ответило мне создание.

Я снова обратился с вопросом:

– Генрих, а как мне найти в земле червяков? Меня старина Джо отправил за наживкой.

– О, милый Ник, как хорошо, что ты не знаешь ничего ни о природе, ни о червяках, – ответило мне создание.

– Почему же хорошо? – удивился я.

– Да потому, милый мой человек, что я и есть червяк, за которым отправил тебя дед.

– Да ты что? – удивлению моему не было предела. – Дед ни за что на свете не отправил бы меня за тобой, если бы знал тебя. Дед у меня хороший, он добрый. Ты бы видел его улыбку, он так тепло и ласково улыбается.

– Да в том-то и дело, что дед твой то ли не понимает меня, то ли не слышит меня, а может нам просто не удалось с ним ни разу поговорить по сердцам. Это хорошо, что пришёл ты. Я-то уворачивался от деда твоего каждый раз, когда он приходил с лопатой в сад. Может потому и жив ещё.

– Генрих, милый мой друг, как же мне деду сказать, что тебя я ему ни за что не отдам? – задал я вопрос.

– Так же просто, как ты меня сейчас об этом спросил. Приди и скажи, что на сердце твоём лежит, – ответил тихо Генрих.

– Пожалуйста, Генрих, а можно я тебя возьму с собой? Я покажу тебя деду, я познакомлю его с тобой. Я расскажу ему, что ты живой, что ты говоришь со мной, что ты – мой друг!

– Да, конечно, Ник, двум смертям не бывать, а одной не

миновать. Так вроде бы люди говорят. Идём. – И червяк встал почти вертикально.

Я взяв в ладонь Генриха, пустился к дому.

– Деда, то есть старина Джо, бабуля! – звонко прокричал я едва войдя в дом. – Смотрите! Смотрите! Смотрите! Кто есть у меня! – И я развернул ладонь. – Это Генрих. Познакомьтесь с ним, пожалуйста. Генрих, это бабуля, а это старина Джо. – Я поочерёдно поднёс ладонь с Генрихом поближе к ошеломлённым деду и бабушке.

Дед улыбнулся, он взглянул с искоркой веселья на бабулю, и перевёл взгляд на меня. Я пристально вглядывался в лица родных, пытаюсь разгадать их отношение к моему другу. И, заметив улыбки, то есть не столько улыбки, а сколько тепло глаз, которое заструилось незримо, я оттаял. И понял, что Генриху удалось каким-то образом подействовать своим обаянием на деда и бабушку.

– Старина Джо, – обратился я к деду, неужто ты мог охотиться на Генриха? Или на братьев его? Генрих теперь мой друг. Я не дам его в обиду. Ты же меня понимаешь, деда?

– Ник, милый мой Ник, как же я рад, что ты так похож на отца своего. Похож и характером, и нравом. Я только сию

минуту вдруг понял, благодаря тебе, Ник, что не зря водил дружбу с Диего мой сын, твой отец. Диего ведь тоже был дождевой червь, как твой Генрих. Сынок мой много раз пытался рассказать мне о дружбе с Диего, но я не прислушивался к нему, полагая, что такая дружба невозможна. Но теперь, теперь, будто время повернулось вспять. Я понял, Ник, милый ты мой человечек, понял одну простую истину, о которой мне когда-то говорил сын, а теперь говоришь ты. Мы многого не замечаем в этой круговерти жизни. Многое пропускаем мимо. Мы не видим любви в наших детях, мы сами гасим эту любовь своим невниманием, своей недальнозоркостью.

А знаешь, Ник, мне кажется, что Диего – дальний родственник Генриха. Ты спроси потом у своего друга, знакомо ли ему это имя. А теперь уж не мучай Генриха, отнеси его к его дому родному. Ему там лучше и спокойнее. А вечером мы с тобой, если будет время, поговорим и о Генрихе и о Диего, и о твоём отце, и обо всём, что может заинтересовать тебя. Хорошо?

– Да, старина Джо! – ответил я и понёсся в сад отнести Генриха к его дому.

Ссаживая Генриха с ладони на землю, я спросил его:

– А я увижу ещё тебя? Как мне тебя не потерять? Я по-

говорить с тобой хочу. И ты знаешь, Генрих, ведь до этого самого дня у меня не было ни одного друга. Я так рад тебе. Не пропадай, Генрих! – почти молил я червяка.

– Не беспокойся напрасно, Ники, не волнуйся – я всегда смогу прийти на твой зов. Но может какое-то время мне нужно будет для того, чтобы оказаться ближе к этому дому. Я же все же не маг и не волшебник. Но ты раз нашёл меня, то уже не потеряешь. Если я буду нужен тебе, ты выйди в сад, ляг на землю, на траву, позови меня, и я приду. Иди, мы ещё встретимся с тобой. Иди, Ник, тебя уже и дед, и бабуля ждут.

Да, Генрих полуобернулся ко мне и добавил:

– Спасибо тебе, Ник! Большущее спасибо! Кажется, дед твой услышал тебя и понял, что дружба возможна не только между людьми.

Я нежно дотронулся до головы Генриха, погладил его. Друг мой кивнул мне и исчез в недрах земли. Я перевернул пласт вывороченного земляного кома, восстановив целостность травяного покрова, и пошёл к дому.

Только я вошёл в дом, как дед обратился ко мне:

– Отнёс своего друга к родному дому?

Я кивнул. А дед продолжил:

– А теперь, Ники, садись к столу, бабуля блинчиков наготовила, поедим с тобой, да двинемся к озеру, но не за рыбами, теперь мы их просто угостим блинчиками. Они с удовольствием полакомятся блинами. Так ведь, Мэри? Рыбы наверное тоже очень любят твою стряпню. – И дед нежно взглянул на бабушку.

Бабушка улыбнулась и ответила:

– Идите уже к столу, сорванцы вы мои, а потом уж шагайте туда, куда вас сердце зовёт.

Она поерошила волосы на голове деда и мои кудри, и занялась цветами, которые собиралась пересадить в сад. На столе уже стояли и блинчики, и чай, и ежевичный джем.

Перекусив, мы с дедом собрались к озеру. Утро было тёплым и солнечным.

В тот самый памятный день старина Джо показывал мне холмы, густо поросшие можжевельником. Показал озеро, что приютилось в ложбине меж холмов, показал старинные камни, рассказав о них, что они хранят память прошлых лет.

Он говорил мне, что если приложить ладонь к камню, то его воспоминания переходят к человеку. Но не к каждому, а только к тому, кто готов услышать его давнюю историю. И не только услышать, но и поверить ей.

Дед познакомил меня с облаками и небом, с рыбами, живущими в озере. Рыбки, будто зная о том, что теперь дед никогда не причинит им вреда, ласково подплывали к его руке и терлись своими спинами о раскрытые ладони старины Джо. Они с наслаждением угостились блинчиками, приготовленными бабулей. Рыбки плескались, как будто они мальчишки и девчонки. Они юркали под камни и возвращались вновь, они играли. И мне даже показалось, что они говорили, весело и задорно.

Дед преобразился в этот день. Он и сам будто засветился и засиял. Он и сам, подстать дню, который перевернул моё сознание, стал другим. Он стал видеть всё. Слышать и понимать причины причин. Он говорил, что всё вокруг нас живое, и что очень хорошо, что я здесь, на просторах мира зеленого, что не сию сейчас в аэропортах и на вокзалах в ожидании рейса, а наслаждаюсь общением с природой, её истинной красотой. Старина Джо говорил и говорил. Красноречию его не было предела. Он рассказывал и показывал мне всё то, что восхищало его самого, а теперь стало восхи-

щать и меня. Дед стал мне другом, как и Генрих.

Ах, да, я опять отвлѣкся от рассказа о Генрихе. Но возвращаясь к нему, своему первому другу, я поведаю вам ещё о том, что меня взволновало тогда. И что не перестаёт меня восторгать и волновать и сейчас.

Генрих поведал мне о том, что у него пять пар сердец. Вы только представьте себе, целых пять пар! У нас-то, человек, всего по одному сердцу. А у червяков их десять! Наверное поэтому Генриху и его братьям понятнее суть любви и понимания мира к созданиям, населяющим землю. Мне кажется иногда, что у меня теперь тоже не одно сердце, а много их, как у Генриха.

Да, возможно, вы думаете, что я ещё многократно изменю своё мнение о природе и людях, о созданиях, населяющих наш мир. Но я уверен, я убеждён, что ни один взгляд, ни одно мнение не изменит моей любви к просторам и к существам, населяющих этот мир, которые живут и дышат любовью.

Генрих, милый мой друг! Милый мой Генрих! Как много ты сделал, и не только для меня! Благодаря тебе мы со стариной Джо увидели мир таким, каким он наверное и был задуман.

Мы были кошками

Милый мой читатель, хочу спросить у тебя – любишь ли ты сказки или сказочные истории? И если всё так и есть на самом деле, если интерес твой нешуточный, то предлагаю послушать историю, кому-то она может и покажется сказкой, но ты, мой дорогой читатель, сам решишь, могла ли быть такая история на самом деле. Вот послушай, что я расскажу.

Летним и пригожим вечером на чердаке заброшенного дома сидели и разговаривали две кошки.

– Странные существа люди! – проговорила задумчиво Лоа, глядя в чердачное окно.

– Почему странные? На мой взгляд, совершенно обычные. Странностей я и не замечала.

Лоа, так же задумчиво не отводя взгляда от окна, сказала мне:

– Вот послушай, Умо, что я скажу. Нас на Земле очень и очень много. Так ведь?

Я согласно кивнула. А Лоа, убедившись, что я слушаю её очень внимательно, продолжила свою мысль:

– Нас, кошек, бесчисленное количество. И самое главное – мы понимаем друг друга без переводчиков. Знаешь, я подумала недавно, а не попробовать ли нам с тобой попутешествовать за пределы Земли? Ведь кошки наверняка существуют на всех планетах.

Я открыла рот от изумления. И спросила Лоа:

– Да как же нам добраться до других планет? У тебя есть знакомый волшебник что ли?

Лоа заговорщицки подмигнула мне и прошептала:

– Представь себе, есть, вчера я познакомилась с ним. Его зовут Доари. Мы с ним говорили о путешествиях на другие планеты. Он сказал, что ничего невозможного нет. И если мы отважны и бесстрашны, то можем прийти сегодня к нему, а он поможет нам увидеть то, что не удавалось многим. Я хотела узнать у тебя – боишься ли ты кого-нибудь или чего-нибудь? Хотя я уже дала согласие Доари, что мы с тобой готовы путешествовать по всем планетам и во всех галактиках. Но все же решила у тебя спросить о бесстрашии, а вдруг я

чего-то о тебе не знаю.

Всё в голове моей замелькало калейдоскопом мыслей, они проносились быстро, будто мушки цветные. А я всё пыталась вспомнить, чего же я боюсь, и может ли меня напугать что-то ещё неведомое. Думала и о собаках, и о людях, и о лисицах, и о медведях, и о совах. Но поняла, что мне они не страшны.

Я выгнулась дугой, потянулась и ответила Лоа, что она правильно сделала, что сказала волшебнику, что мы с ней отважные и бесстрашные кошки. И я согласна хоть сейчас отправиться в путешествие.

– Уррррааааааа! Моя милая Умо! Уррррррррррррраааааа!
Побежали быстрее к Доари!

И мы стремглав понеслись к старенькому домику, который стоял на берегу озера, там обитал новый знакомый Лоа.

Мы забрались на крышу домика спустя несколько мгновений после того, как покинули наш чердак.

На крыше сидел волшебник Доари. Увидев нас с Лоа, он обрадовался. Он замурлыкал очень громко, а сквозь его мурчание я успевала слышать его ласковые слова нам, веру в нас, в то, что мы бесстрашные, и он с радостью поможет нам от-

правиться в путешествие по ближайшим планетам. Он сказал, что уже был на одной из планет, кажется, он сказал, что планета называлась Ноас. Что там много и кошек, и котов, и люди там тоже есть, но люди понимают на этой планете котов, и птиц, и рыб, и собак, и даже сами себя, несмотря на то, что живут в разных странах.

– Ну что, вы готовы к путешествию? – спросил волшебник нас.

Мы с Лоа согласно кивнули.

– Я верю в вас! Летите!

И он подбросил вверх золотистую россыпь маленьких звёздочек.

Нас с Лоа тут же подхватили чьи-то то ли руки, то крылья, и мы взмыли ввысь. Испугаться мы не успели, а может и не умели этого делать, а мир вокруг нас становился то розовым, то золотистым, то сиреневым, то вокруг пахло колокольчиками и зверобоем. Не удивляйтесь, что я знаю много растений и трав, я по натуре своей очень любознательная. Не думайте, что если коты любят спать, то они ничем и не интересуются.

А потом мы вдруг оказались на берегу реки. Воды этой реки были не как на нашей планете, они были белыми, будто снег тек по реке. Мы с Лоа спустились к этому белому снегу, а оказалось, что это и не жидкий снег, а молоко! Представляете? Самое настоящее молоко! Как в сказке – настоящая молочная река!

Мы с Лоа припали к водам реки и напились молока от души. И услышали как будто издалека голос волшебника Дорари:

– Вы на планете Коолис, а река называется Зано. Не удивляйтесь ничему.

Сразу же после этого уточнения волшебника из молочной реки высунулась рыба и обратилась к нам с Лоа:

– О, здравствуйте, Лоа и Умо! Я Аями, королева этой реки, если хотите познакомиться с одним из наших королевств – пожалуйста, прошу вас, добро пожаловать!

Мы с Лоа нырнули в реку. И оказалось, что под водой так же легко дышать и говорить, как на берегу. Мы удивлённо взглянули на королеву рыб.

– На нашей планете вы можете проходить сквозь воду

и сквозь стены, и дышать можно везде, и говорить можно со всеми обитателями. Все вас поймут. Я же поняла сразу, что вы инопланетянки. У вас в глазах отражается вся ваша предыдущая жизнь.

И мы с Лоа наперебой стали спрашивать королеву Аями: А была ли она на планете Земля, откуда мы с Лоа родом? А почему на Земле нет таких разговорчивых рыб? И почему у них текут молочные реки, а в них можно дышать?

– Ой-ей-ей! Как много вопросов, – смеясь, ответила нам королева. – Подождите немного, и вы всё узнаете.

Вскоре мы оказались у огромной раковины дворца. Из этой раковины выпорхнули малыши-рыбки с хвостиками как у котов. А на спине у них были крылышки, птички-коттики-рыбки взмыли вверх и скрылись.

А королева Аями пригласила нас во дворец. В залах царила тишина. Лишь стук часиков-ходиков, которые отстукивали минуты, нарушал тишину залов. Казалось, что стук этих невидимых часов, раздавался во всём дворце эхом.

– Слышите? Слышите ли вы ход часов, счастливых часов? – спросила нас королева. – Эти часы непростые, они знают все тайны на свете, они разговаривают со всеми жите-

лями рек, озер, неба и суши. Но речь этих чудо-часов понятна лишь тем, кто любит узнавать всё, кто любознателен без меры, кто хочет понять, почему у рыб могут вырасти хвосты, подобно кошачьим, почему рыбы летают как птицы, почему кто-то понимает язык всего сущего, а кому-то слышится в голосе часов лишь мерное качание маятника и ничего более.

Мы с Лоа замерли. Мы старались разгадать этот волшебный голос часов. Сколько времени прошло, не скажу точно. Но на вопросы, которые мы задавали королеве Аями, нашлись ответы. И мы поняли речь часов. А часы говорили нам, не торопясь:

– Вы разные, но вы коты, которые были раньше рыбами, а до того, как стать рыбами, вы были птицами, потом вы будете людьми.

– На Земле, так же как и на нашей планете, будут молочные реки. И говорящие рыбы. Хотя рыбы и сейчас говорят, но слышать их умеют не все.

– Королева Аями тоже раньше жила на вашей планете. Но сейчас она живёт здесь, на Коолисе, а потом возможно переберётся на другую планету.

– Коты и кошки необходимы на Земле. Как, впрочем, и

остальные животные. Но у котов особая миссия. Они должны научить людей ласке и теплу, которое они отдают всегда и всем. Но, опять же, люди должны научиться принимать эту ласку и отдавать её не только котам, но и своим собратям – людям.

– Милые гости с планеты Земля, мы, часы, рады за вас. Рады тому, что вы выполняете благородную работу. Для кого-то вы просто животные, четвероногие, пушистые и мяукающие. Но вас это не должно смущать. Вы – посланцы добра и света. Вы – тепло и ласка, понятные всем землянам. Потому-то вы, коты, и говорите на одном языке во всех странах и на всех планетах. Вы братья милосердия и добра.

Когда мы с Лоа услышали это, то нам немедленно захотелось вернуться на нашу родную планету и помогать людям, всем-всем людям. Помогать им учиться языку добра, любви и тепла.

Поняв речь чудо-часов, мы с Лоа пришли в себя и обернулись, чтобы видеть королеву рыб Аями. Она уже стояла у двери зала, и, улыбаясь нам, звала за собой. Мы с Лоа то ли полетели, то ли поплыли, то ли побежали вслед за ней. И вскоре оказались уже не во дворце, а на вершине высочайшей горы, которая возвышалась над молочной рекой – королевством рыбы Аями. Гора была тоже молочно-белого цвета.

На вершине горы сидел наш знакомый волшебник Доари. Он улыбнулся и поблагодарил королеву Аями за теплый прием землян-котов, мы с Лоа тоже поклонились королеве, и она вернулась обратно в свою молочную реку, а мы обратили свои взгляды на волшебника.

– Вы счастливы? Вы довольны путешествием и полученными знаниями?– спросил он нас.

Мы с Лоа зачарованно смотрели на волшебника, будто видели его впервые. Потому что то, что мы слышали и узнали, перевернуло в нас многое.

Доари понял нас, взглянув в наши глаза.

– Возвращаемся на Землю, милые Лоа и Умо, – сказал волшебник. И посыпал нас золотистой россыпью маленьких звездочек.

И вновь закружились цвета. Они менялись калейдоскопом. И через некоторое время мы оказались на крыше домика у озера, с которого и началось наше путешествие на Коолис.

Вышитые крыши

Сказку эту мне рассказал мой давний друг сверчок. Он приходит теперь ко мне не так часто, как мне бы хотелось. Как он объяснил мне, он бы и сам рад приходить ко мне почаще, но в связи с тем, что он занялся изучением великаньего языка и заодно великаньего эпоса, свободного времени у него очень немного остается.

Вот как раз сейчас у него образовалось немного времени, и он решил прийти ко мне, чтобы поделиться своей радостью от расшифрованной и переведённой им великаньей сказки. И он поведал мне эту удивительную, на мой взгляд, историю о жизни великанов.

Жена великана сидела у окна и вышивала. Вышивка её была не совсем обычна. Она вышивала крышу маленького домика. Вы возможно удивляетесь – как же можно вышить крышу, пусть даже и игрушечного дома? Но жена великана была мастерицей на все руки. Взялась она за это дело потому, что их детям хотелось устроить на берегу реки маленький городок. Самый настоящий город, с дорогами, садами, домами, фонтанами, скульптурами, цветниками.

Детей в великаньей семье было двое. Сына звали Сарис,

а дочку – Шеломи. Им было обоим по пять лет.

Сарис и Шеломи уже проложили дороги и тропы к городку у реки, устроили пруды и клумбы. Не хватало только домиков, в которые, как надеялись дети, со временем придут и жители.

Отец пообещал детям смастерить домишки для их городка, а мама сказала, что она свяжет и вышьет узорами крыши этих крохотных домов.

Дети с удовольствием занимались созданием городка. И вот первый домик был установлен у реки, за ним последовал второй, третий. И так берег реки превратился в городок для маленьких жителей. Вот только жителей пока не было. Хотя дети очень надеялись, что придут в их сказочный город или гномы из подземного царства, или эльфы. Но видимо у тех и других уже были обустроенные места обитания, и они не торопились занимать столь красивый новый город у реки.

Но надежда детей на появление новых жителей не угасала.

В один из дней произошло то, чего желали дети. Жители появились и в их городке. Но какие это были жители! Это были не сказочные существа, не гномы, не эльфы, эти существа напоминали великанов, только в уменьшенном виде.

Когда дети их впервые увидели, то пришли в восторг.

Случилось это ранним утром, когда великаны родители ещё спали, а Сарис с сестрой решили сбегать к своему городку посмотреть на него и заодно на тех, кто придёт жить в городок.

Вот тогда-то они и увидели повозки с крохотными лошадьми и множество людей.

Сарис и Шеломи, восхищенные и удивлённые зрелищем, прилегли за выступ небольшого холмика, чтобы оттуда наблюдать за событиями.

Обоз с людьми остановился на окраине городка. Люди покидали повозки и изумлённые шли к городу. Никогда в жизни они так не удивлялись увиденному.

Люди, жившие до этого в хижинах, наскоро сделанных из соломы и хвороста, были поражены красоте созданных творений. Домики, которые были открыты их взору, выглядели кружевными скульптурами, их крыши были связаны удивительным образом из трав и соломы, а уж когда они разглядели вышивку крыш, то и вовсе лишились речи. Так и стояли замороженные.

И вот тогда-то и вышли из укрытия Сарис и Шеломи. Они улыбались пришельцам. И приветствовали их звонким смехом.

Люди, увидев великанов, вначале остолбенели, но, заметив улыбки на их лицах, тоже улыбнулись им в ответ.

Сарис и Шеломи объяснили людям, что они совершенно спокойно могут жить в их городке, если он им пришёлся по душе.

Так и остались люди в этих местах. Говорят, что многому они научились у великанов и их детей. Уж крыши они и до сих пор вышивают так.

Великаны со временем покинули эти края. Куда они ушли, то мне не ведомо. Известно лишь то, что они многому научили людей. Говорят, что о великанах много сказок сказано, но, как мне думается, о хороших людях – о великанах ли, о гномах ли – говорить можно долго. Ведь хорошего много не бывает. Верно?

Стелла

– В лесу у ручья жила-поживала семья лягушачья. Самую младшую лягушку, Стеллу, интересовало всё на свете. О ней я и расскажу сегодня.

Так начал урок Всеволод Леонидович, наш учитель.

– Когда незаметно к лету подкралась осень и деревья стали потихоньку желтеть и краснеть, Стелла, как и её родственники, стала готовиться ко сну. Все ведь знают, что лягушки зимой спят. Учёные называют их сон анабиозом, но я всё же предпочитаю называть это сном.

Так вот, в спальне, где уже темнело так рано, что и вставать не хотелось, бабушка Стеллы рассказывала сказку внучатам о времени, которого лягушки не знали. А речь шла о зиме. Только бабушка называла её волшебной страной. Бабушка рассказывала о том, что в стране той сказки бродят по лесам и лазают по деревьям, пьют воду из хрустальных облаков, и обо всём, что её внучатам могло привидеться только во сне.

Братья и сёстры Стеллы потихоньку закрывали глаза и под

размеренную речь бабушки сладко засыпали. Стелла же боролась со сном как могла. Она начинала считать травинки и комаров, которые возникали перед её взором, отчаянно зевала, но решила твёрдо – во что бы то ни стало она не уснёт до весны, а проверит, как это так бывает, что мир начинает белеть зимой и сказки гуляют везде, где им заблагорассудится.

Вот уже и бабушкин голос утих. Стелла же ворочалась в своей кровати. Нет, сказала она сама себе, не усну, ни за что не усну, пойду, проверю мир. И тихонько спустила ноги с кровати, боясь кого-нибудь разбудить. Но зря она боялась, в спальне царила тишина, все спали.

Стелла, выбравшись из дома, отправилась вдоль ручья к домику, который она видела в начале лета.

К ней подлетела синица:

– Ты почему не спишь, Стелла? – спросила она.

И Стелла ей рассказала о своей мечте увидеть невиданное лягушками зрелище.

– Ну что ж? Жизнь хоть и красивая наступит, но как бы ты не замерзла. Ты же без шубки и без перьев. Надо тебе

помочь. Дай-ка я подумаю, что можно для тебя сделать.

И синица улетела. Вернулась быстро и не одна. В клюве каждой синицы был пух и стебли травы. Наскоро, но умело они «сшили» пальто для Стеллы. мех для пальто был пухом из камышей, а подкладку они сделали из гладких стеблей травы. Ботиночки, чтобы не мерзли ноги Стеллы, синички тоже смастерили из травинок.

Вначале Стелле вся одежда доставляла жуткое неудобство. Ботиночки сваливались при каждом прыжке. Приходилось возвращаться и подбирать их. Пальто тоже мешало прыжкам, жало подмышками. Но и тут всё прошло.

Приноровилась Стелла к новой одежде. Синички были рады, что смогли помочь лягушке. Плохо зимой, если одежды подходящей нет. Да и Стелла была рада теплу. От холодного ветра у неё закрывались глаза, и её нестерпимо клонило в сон. Но желание увидеть невиданное заставляло её смотреть на мир во все глаза.

Первые морозы, которые наступили так быстро, что и синички притихли от внезапности наступления зимы, привели Стеллу в неопишуемый восторг.

Как-то утром она решила нырнуть в ручей, а он не дал ей

такой возможности. Ручей застыл. В нём отражались облака, и небо, и травы, которые росли вдоль него. Всё было так, как и раньше, кроме того, что ручей был твёрд. Стелла с весёлым криком вновь прыгнула на льду, и тут вдруг поехала, заскользила. Остановить восторг было невозможно. Гвалт в лесу поднялся удивительный. Прилетели и дятлы, и сороки, и синицы. Они ещё не слышали лягушиной песни зимой. А когда увидели Стеллу, катающуюся по льду ручья, то одобрительно захлопали крыльями и заговорили.

– Ай да Стелла! Вот молодец лягушка! Бросила всем вызов. Не уснула, как все, а катается по льду!

С едой Стелле было трудно. Еда скрылась под пушистым снежным одеялом. А кушать хотелось. Но и тут судьба не оставила её один на один с бедой. Помогли вначале синички, а потом уж и девочка из домика у ручья, заметив лягушку на снегу, подкармливала её. Конечно, пища была странная, но в мире так много странного, думала Стелла. И с благодарностью принимала дары, принесенные ей синицами и данные девочкой.

Новый год пришёл цветными огнями, песнями, катанием с гор и по льду ручья.

Вы думаете, что Стелла этого не видела? Отчего ж? Виде-

ла. Смотрела и радовалась увиденному. И думала часто, что когда она вернётся домой, то обязательно расскажет о мире, где царит волшебство, о мире белом-белом, о горках, о катании на льду, о радости.

Всё так и случилось, но только об этом уже другой рассказ.

Сказка о сказке

Грустным сказкам тоже хочется наверное жить. Но мне почему-то кажется, что им самим грустно от того, что они грустные. И может они тоже ждут чудес и тепла сердец!

Жила-была в далекие времена сказка – добрая и волшебная. Но сказке этой не всегда удавалось доставить радость, которую хранило в себе её доброе сердечко, грустным и печальным людям. И от этого она опечалилась. И тоже загрустила, как и окружающие её люди. И на городок тёмной тучей опустилась мгла.

Грустили люди, грустила сказка. Серым цветом окрасился весь мир для населения этого некогда доброго и сказочного городка. Они не замечали доброты и чудес сказок, им казалось, что именно от сказок наступает печаль. Ведь никак им было не получить тех чудес, которым полны были сказки.

Вскоре горожане перестали замечать смех и улыбки детей. Не видели ни солнца, которое радостно будило их каждое утро, ни звёздного неба. А если и замечали сияние звёзд, то говорили с грустью:

– А небо-то совсем прохудилось. Износилось. Старое

небо.

Или так:

– Ох-охо-хо, дырочек в полотне неба явно прибавилось. На просвет видать эту ткань.

Но однажды, кстати, день был очень солнечный, только сияния дня не замечал никто из жителей, проходил по городу странник. Его удивило, что в такой ясный день все люди грустят.

Он заглядывал прохожим в глаза, надеясь разглядеть в них хоть малую толику радости. Но они, взглянув на странника, отводили взгляд, и, тяжело вздыхая и опуская плечи, уходили прочь, будто каждый из них нёс на спине непосильный груз.

Путник, подойдя к берегу реки, увидел группу детей, только они из всех встреченных им людей были жизнерадостны. Правда их веселость была на удивление тиха. Они почти не смеялись, а если и смеялись, то смущённо прикрывали рот рукой, чтобы их радость не нарушила общей грусти городка. Взрослым теперь было не понять это беззаботное веселье детей. Они грустили.

Когда странник спросил у играющих детей, что же случилось в их красивом городке, они ему рассказали о сказке, которая загрустила, потому что ей не удалось передать тепло своего ласкового сердца грустным людям.

– Когда-то давно, – продолжали дети свой рассказ, – эта сказка была доброй и весёлой. Но об этом уже почти все забыли. Хотя мы помним эту добрую сказку.

Сейчас об этой сказке взрослые говорят так, будто это и не сказка вовсе, и даже уже не печаль, а непоправимое горе.

Мы решили вызволить сказку из плена слёз и печалей. И подумали, что снова стать доброй и волшебной и перестать грустить сказке могут помочь наши игры и смех. Поэтому мы и бегаем на берег, мы играем, мы купаемся и рассказываем друг другу разные весёлые истории. И нам кажется, что сказка уже начала оживать и становиться чудесами. Но детей в городке мало, и нужен ещё кто-то, кто умеет радоваться и смеяться. Тогда сказка очнётся от печали, наберётся сил, и сможет радовать всех-всех-всех людей на свете.

Может быть, вы, добрый человек, сможете нам помочь?

Странник удивился, услышав историю о загрузившей сказке.

Но предложение ребят принял с радостью. И, отбросив суму и посох в сторону, крикнул задорно:

-Я вожу! Играем в догонялки!

И бросился вдогонку ускользящим из рук ребятам и девочкам.

На берегу происходило нечто невообразимое! Смех слышался отовсюду. И теперь он был громок и радостен.

Вскоре к всеобщему веселью присоединилась старушка, которая невдалеке пасла козу.

Она радостно закричала, забыв мгновенно, что она старенькая, сейчас ей казалось, что она девочка:

– Я новенькая! Я вожу!

Коза тоже включилась в игру. Она вместе с детьми убежала от старушки. Веселью и смеху не было конца.

Потом в игру втянулся бродячий пёс. Он проходил мимо, но ему стали интересны события, происходящие на берегу.

Затем мельник вышел, за ним кузнец, потом косарь, с колокольни выглянул звонарь, всем было интересно посмотреть на чудо чудное, сами-то они уже и не помнили тех далёких времён, когда умели радостно смеяться.

А вскоре уже всё население городка веселилось на берегу дивной реки!

И сказка очнулась и ожила! Она заискрилась радугой, брызнула ласковым и теплым дождём, и смыла с людей печаль тоски и грусти!

Сказкам тоже нужна бывает помощь. И помогают им стать веселыми не только дети, но и взрослые.

Лалика

В один из осенних вечеров, когда сумерки сгустились до тёмно-лилового цвета, а облака приобрели окраску спелой черники, я пытался разглядеть между ними сияние хоть одной звезды. Но иссиня-чёрные облака густо лежали на половине неба.

– Ну что ж, раз не удалось увидеть звезду мою сегодня воочию, – подумал я, – пусть мне она приснится.

Я задержался на крыльце своего старого, но крепкого домика, с наслаждением вдыхая крепкий и слегка горьковатый аромат опавших листьев. А потом вновь взглянул вверх. И, о, чудо, я увидел, как облака раздвинулись, уступая место моей звезде. А она сияла и мерцала, кружась в лиловой высоте.

Не знаю, всем ли ведом зов звёзд, всем ли понятен их танец, все ли слышат, как сияние звезд переходит в шепот, а иногда в долгую песню, или, как в тот вечер, в удивительную сказку, которую мне довелось услышать от моей звезды. Я стоял замороженный. Я слушал, смотрел, радовался тому, что я могу говорить со звёздами и понимаю этот удивительный язык.

А теперь, мой милый читатель, я перескажу тебе эту сказку, рассказанную мне той лилово-черничной ночью.

В одном озере обитала семья рыб. Семья была обычной. Мать, отец и много-много детей. Рыбки-дети, как все школьники, ходили в школу, учились, набирались ума и опыта. Конечно, жизнь рыб отличается от жизни птиц или людей, но не очень сильно. Отличия есть только лишь в некоторых деталях, особенностях той жизни, где она проходит, в воздухе ли, на земле или в водных просторах.

Лалика была самой младшей в семье, о которой идёт речь. Она отличалась большой непоседливостью и любознательностью. Её бесконечные почему и зачем устали слушать и учителя, и братья, и сестры, и даже родители, которые в детях своих души не чаяли.

Но Лалика беспрестанно задавала и задавала всем свои почему. Когда ответов на её вопросы найти никому не удавалось, это слегка озадачивало Лалику, но она не умела отступить перед неизвестным и поэтому часто уплывала от родного дома всё дальше и дальше.

В один из таких дней, когда никто не смог ей ответить на вопрос, может ли идти дождь под водой, и может ли дуть ве-

тер так, чтобы рыбы, как и птицы, не смогли удержаться на месте, она, выныривая над поверхностью озера, заметила у берега мальчика. Он замер у самой кромки озера и вглядывался в глубину, пытаясь увидеть танец и игру рыб. А рыбки резвились у самой поверхности водной глади, они радовались солнечным лучам, играли в пятнашки и громко смеялись. Да, да, да, мой милый читатель, тебе может и покажется странным и неуместным то, что рыбы умеют смеяться, да ещё весело и задорно. Но, уверяю тебя, что и в водном, и в земном, и в воздушном пространствах есть смех и радость. Потому что везде есть дети, которые умеют быть счастливыми всегда.

Лалика приблизилась к компании задорных игроков. Они пригласили её в свой хоровод, закричав ей, что раз она новенькая, то она и водит. И бросились от неё врассыпную. Лалика попробовала задавать свои вопросы тем, кого она догоняла, но её то ли не слышали, то ли не понимали. И, догнав одну из рыбок, она, тронув её своим плавником, сказала ей, что рыбка запятнана, и теперь она водит. А сама Лалика вышла из круга игроков и подплыла поближе к мальчишке, который, сидя на корточках у самой воды, не отводил глаз от озера, вглядывался в глубину, наблюдая за рыбками.

Лалика высунула личико из воды, но поняла, что там очень много воздуха, и дышать над водой значительно труд-

нее, чем под водой. Но её очень интересовал вопрос о дожде и ветре. И так хотелось ей узнать ответ, что она готова была терпеть и неудобства.

Вновь высунув голову из озера, она назвала своё имя и спросила мальчика почти скороговоркой:

– Меня зовут Лалика. Скажи, пожалуйста, милый мальчик, а бывает дождь под водой? А дует ли ветер в глубине озера и моря? А почему об этом не написано ни в одном учебнике? И что такое дождь? Почему он идёт? И почему нельзя удержаться на одном месте, если дует сильный ветер?

Выговорив всё это сразу, Лалика нырнула поглубже, ей очень хотелось дышать. Но сделав вдох, она уже через мгновение вновь приподняла своё личико над поверхностью воды, обратив свой взгляд на мальчишку, который с не меньшим удивлением смотрел на рыбку.

– Здравствуй, Лалика! Меня зовут Рикис. И, о, удивление, я понимаю тебя!

Рикис не успел договорить, как Лалика вновь погрузилась в озеро.

Она размышляла. И удивлялась тому, что она никогда не

понимала людей. Хотя видела их и раньше. А сейчас она поняла отчетливо всё, что сказал ей мальчик.

Рикис, взглядываясь в прозрачные воды озера, потерял из виду Лалику, а ему очень хотелось продолжить разговор с ней. Хотелось рассказать, что ветров под водой нет, и дождей нет, но зато он может помочь ей почувствовать прикосновение ветра и капель дождя и рассказать ей, как это бывает и на земле и под водой.

Через некоторое время Лалика вновь показалась из озера. Но теперь она уже была уверена, что Рикис не простой мальчик, а очень необыкновенный, что возможно он даже волшебник. Когда-то, давным-давно, когда Лалика, будучи совсем малышкой, ходила со старшей сестрой в озёрную библиотеку, ей удалось там отыскать книгу с картинками. Книга эта была не простая, она хранилась в этой библиотеке уже тысячелетия. Именно из этой книги Лалика узнала и о волшебниках, и о людях, которым понятен язык всего живого. Но все её родственники и мудрый сом-библиотекарь говорили ей, что это всего лишь сказки, а в сказки не стоит верить. Лишь то правдиво, что можно потрогать. А сказки это всего лишь фантазии.

Но Лалика почему-то верила, что это не просто фантазии, а изображения реального, но прекрасного и далёкого ушед-

шего времени.

Лалика подплыла без страха и опаски к мальчику поближе. Рикис ласково прикоснулся ладонью к её радужной спине, и, как ни странно, понял все её опасения и вопросы, которые её интересовали. А Лалика, почувствовав прикосновения мальчика, поняла то, что он хотел ей поведать о ветрах и дождях на земле и в подводном мире.

Они говорили без слов. Они понимали друг друга. Это было вновь и для Лалики, и для Рикиса.

Рикис рассказывал ей об устройстве земли и недрах земных, о дождях и ветрах, о своей любви к морю и рыбкам, к солнцу и облакам. Он устраивал для неё волны, говоря, что так вот дуют ветра. И кажется тогда, что волной как ветром тебя уносит далеко-далеко. Он бросал ракушки в озеро, бросал их горстями и по одной, показывая Лалике, что почти так же, как падают ракушки в воде, так идёт дождь на земле.

Он говорил и говорил, а Лалика удивлялась знаниям мальчишки. Но ещё она понимала, хоть и была совсем молодой рыбкой, что радости водные и радости земные ничем не отличаются. Что во всех мирах обитают живые существа. Что солнце будит всю природу, что ночью спят, что все мамы любят своих детей, что не все верят в сказки, хотя вол-

шебники существуют на самом деле. Вот есть же Рикис. Ведь только настоящий волшебник может с необыкновенным воодушевлением рассказывать обо всем, что его окружает.

А потом Лалика рассказывала Рикису о своей семье, о школе, о библиотеке, о своих мечтах, о жизни в мире, который люди зовут тихий мир, ведь не все знают, что все рыбы говорят, всё понимают и всё чувствуют.

Одуванчики

Желтым цветом земля одета,

Улыбаются небу цветы!

Это дети, а может быть братья Света,

Получая от неба и Солнца приветы,

Превращают их в наши мечты!

Это весеннее утро выдалось солнечным и ясным. Давний мой друг сверчок, так давно не приходивший ко мне, запел свою прекрасную песню. И, возможно, благодаря его песне начало нового дня приобрело совершенное звучание.

Солнце, поднимаясь над лесами и полями, мощно и полно наполняло песню сверчка своими радостными и радужными мечтами о восхитительном утре. Утро торжествовало. Это звучание и меня наполнило такой легкостью, такой радостью, что я не смог удержаться от веселого смеха, от солидарности с искрящейся радостью песни солнца. И так стало

хорошо вокруг.

Сверчок, исполнив соло, обратился ко мне: – Здравствуй, милый мой друг! Рад приветствовать тебя и новый день песни солнца, песней радости!

С удовольствием и я поприветствовал сверчка: – Здравствуй, милый мой сказитель! Здравствуй, удивительный славитель рассветов и сказочных историй! Рад! Очень рад видеть и слышать тебя!

И действительно, вы наверное это тоже заметили – мы со сверчком не виделись довольно долго. Нет, вы не подумайте, что я или он забыли о существовании друг друга.

Но вы ведь знаете, что иногда бывает так, что друзья по ряду причин не имеют возможности встретиться и поговорить по душам. Но это совсем не значит, что кто-то кого-то забыл. Любовь к друзьям, живущая в сердцах горячих и трепещущих, всегда сохраняет образ милых сердцу людей. И сколько бы ни прошло времени, как далеко ни разбрасывала бы судьба любящих друг друга, они всегда рядом, как это ни парадоксально звучит. Думаю, что вы понимаете, о чем я говорю.

Сверчок присел рядом со мной, и заговорщицки произнес:

– Утро – самое прекрасное и волшебное время, время, когда рождаются и оживают все сказки и волшебство дня. Вечером сказки сохраняют свое чудодейство, наполняясь еще большим чародейством, выросшим от действия солнечных, дарящих миру радость лучей.

Утренние рассказы и сказы, как ты увидишь сейчас, полны радости жизни. Поведаю тебе историю одну, думаю, что тебе будет интересно её услышать.

И сверчок начал свой рассказ.

Некогда в одном царстве-государстве жила-была семья. Семья была большая. Даже очень большая. Детей в семье было много. Так много, что их и не считал никто. В те далекие времена, о которых речь пойдет, почти все семьи были такие.

Дети росли, выросли, умнели, расходились и разъезжались по городам и селам, некоторые оставались жить там, где и родились. Все было так, как и сейчас, наверное.

В той семье, о которой расскажу, жил-был мальчик. Был он самым младшим ребенком в семье. Когда ему исполнилось года три-четыре, то он остался одним-единственным ребенком в семье, так как все его старшие и уже выросшие и повзрослевшие братья и сестры разъехались в поисках работы, счастья, лучшей доли, за знаниями и умениями. Кому что надо было, тот за тем и уехал.

Родители Соламиса, уходя из дома работать на пашни и луга, были спокойны за своего сына. Он был умным, сообразительным не по годам, но в то же время задумчивым и наблюдательным ребенком. Иногда, уходя в поля, они не возвращались домой неделями, так было много работы. Но знали они всегда, что сын будет сыт и занят, и работа по дому и по хозяйству будет выполнена вся, и с должным знанием и умением.

Старшие братья и сестры перед отъездом своим многому его обучили. А Соламис всегда с радостью и усердием учился всему, перенимая опыт старших.

Братья с сестрами очень любили своего младшего. Когда они еще жили в родительском доме, они частенько читали ему книги, рассказывали истории и сказки, иногда устраивали представления. И в игре им удалось обучить своего братишку всему, что они сами умели. Любовь, царящая в этой

семье, распространялась не только на родных, она грела своими теплыми лучами радости и доброты всю живность, которая была в хозяйстве, и похоже, распространялось на все и на всех живущих.

Оставшись один, Соламис переделав все дела, выходил из дома, садился или на порог избы, или уходил за дом ближе к лесу, и наблюдал за всем. Кто-то может и думал, что сидит мальчишка без дела, но он старался увидеть все так, как это есть на самом деле.

Может, солнце его любило больше других, а может это он так любил все его окружающее, что жизнь повернулась к нему своим светлым ликом, показывая и рассказывая обо всем, что только может узнать человек. Соламис и сам был похож на солнечного любимца. Лицо его было сплошь усыпано веселыми веснушками, а волосы, непослушные и торчащие в разные стороны, были насыщены цветом спелых солнечных злаков.

В один из осенних дней, в деревне, где жил Соламис, появился огромный волк. Вой его был настолько громок и ужасен, что содрогнулись жители деревни. И все как один закрылись в своих домах, с опаской выглядывая из окон.

Один Соламис не ушел со двора. Слышал он в этом вое

столько боли и горя, что не смог уйти в дом. Вой как будто звал его к себе, моля о помощи.

Выйдя на дорогу перед домом, Соламис увидел упавшего в лужу перед домом волка. Без опаски мальчик подошел к зверю. Волк, приоткрыв полные боли желтые глаза, из последних сил наблюдал за подошедшим к нему. Сияясь приподняться из лужи, волк упал в нее снова. Глаза его закатились, и из закрытых веками глаз текли слезы.

Как Соламису удалось перетащить волка в дом, он уже и сам не помнил. Помнил лишь тот слабый скулящий вой, которым волк просил о помощи и милосердии. Так и стояла у него эта мольба в ушах. И потому он и не запомнил, как кипятил воду, промывал рану, варил отвар, вливал его в пасть зверю. Лишь когда стемнело, Соламис отошел от волка и присел рядом с ним, прислушиваясь к его прерывистому и горячечному дыханию.

Прислонясь к стене, сидя рядом с волком, мальчик уснул.

Утром, едва солнце взошло, соседка Дивага, рядом живущая, постучалась в дом Соламиса узнать, все ли в порядке, живы ли все в этом доме. Мальчик, плеснув воды в лицо, открыл дверь, Дивага, увидав зверя на полу, охнула, развернулась и почти убежала к дороге, где её уже ждали другие

соседки. Долго судачили они о волке и о Соламисе, но потом все же разошлись.

Много ли времени прошло, мало ли, но вернулась из полей мать Соламиса. Вернулась почерневшая от слез и горя, горько рыдая, вошла она в дом.

Рассказала она сыну о постигшей их семью беде: в один из дней, когда уборка хлебов уже близилась к завершению, на их шалаш, где отдыхали они с отцом после трудного дня, напали волки. Огромная стая. Отец, защищая мать, наложил на нее заклятие о невидимости, на себя наложить заклятие не смог, или не успел. И ему пришлось вступить в бой со стаей. Длилась эта схватка долго. Уже стемнело, но вокруг ещё был слышен рев, клецанье зубов, вой.

Лишь к утру все стихло. Волки исчезли, но отец так и не вернулся к шалашу. Ждала мать возвращения отца неделю, другую, третью, но когда снег пошел, направилась она домой.

Соламис, в свою очередь, рассказал матери о волке, раненом волке. Поведал и о том, что долго пришлось выхаживать его. Сказал, что волк уже выздоравливает и буквально через пару дней его можно будет отпускать на свободу, хотя зверь этот совсем не рвется в лес.

Мать видимо сразу же догадалась о причине появления волка в их доме. И крикнула Соламису:

– Покажи мне его! Где он?

И в это время с чердака раздалось тихое поскуливание и подвывание. Это царапался и рвался наружу зверь.

Стоило Соламису лишь немного приоткрыть дверь перед матерью, как с высоты сорвался, будто ветер, волк, женщина тут же упала перед зверем на колени. А волк бросился в ноги матери, лег перед ней, как малый щенок перед хозяином. И, твякая и скуля от радости, он облизывал лицо и руки ма-тушки.

Мать, обернувшись к сыну, молвила:

– Сынок, спасибо тебе, мальчик мой, ты как знал, что это отец наш вернулся. Не волк это был раненый, а отец твой родной. Злые силы видно обернули нашего с тобой дорогого человека в зверя дикого и лихого. Видимо, ранен отец оказался в той схватке с волками дикими, но нашел в себе все же силы вернуться к дому родному. Ранен, да заражен дикой кровью, обернувшей его в зверя.

Соламис успокоил мать и сказал ей, что есть возможность

вернуть облик человеческий любому околдованному чарами злыми. Но для этого надо много света, много солнца и одуванчики. И тогда произойдет исцеление.

Как они пережили зиму трудную, только им известно. Соседи, побаиваясь зверя лютого, не заходили к ним.

Но все проходит, и зима прошла.

И, лишь земля только примерила платье зеленое, зацвели тут же дети Света, дети Солнца – веселые и радостные одуванчики.

Солнышко яркое и лучистое смотрело на землю, и видело тысячи и миллионы тысяч своих отражений. Вся земля покрылась одуванчиками. Именно они, самые первые дети света, являлись тем самым мощным средством помощи перевоплощения зверей в людей.

И в первое солнечное утро, когда земля уже смотрела на солнце своими желтыми глазами-одуванчиками, Соламис с матушкой и с волком вышли из дома к большой желтой поляне.

И Соламис крикнул волку:

– Отец! Смотри! Нас зовут к себе дети Солнца! Бежим!

И бросился с разбега на желтую одуванчиковую поляну. Волк последовал примеру сына. Мать тоже присоединилась к ним. Они смеялись, крутились, катались и кувыркались по огромной поляне, улыбаясь и радуясь теплу, солнцу, цветам и друг другу. Никто не заметил, каким образом в очередном кувырке волк превратился в человека.

Запел могучий мужчина-отец удивительную песню, славящую радость Весны, Солнца и детей Солнца! Подхватили её матушка и Соламис.

Пели они так, что откликалось им в ответ всё живущее. Так сильно, притягательно было песнопение, что даже деревья и цветы наклонялись, чтобы лучше услышать эту песнь-балладу, чтобы увидеть этих славных певцов.

И даже солнышко, заслышав летящую ввысь мелодию, подвинув облако в сторону, любовалось на поющих. И, похоже, Солнцу очень нравился этот гимн любви!

Котёнок-совёнок

Как так получилось, что в одной свиной семье родились друг за другом три совёнка и один котёнок, никто не помнит.

Но очень хорошо помнят, что кот – самый младший совёнок, как его называли братья и мама с папой – умел летать.

Об этом-то я и расскажу эту историю.

История эта давняя. Мне её поведала моя няня. А теперь и я могу с вами ею поделиться.

Нянюшка у меня знатная рассказчица. Она знает так много сказок и разных историй, что мне кажется, что их не уместить и в огромной библиотеке. Если бы конечно кто-то смог записать все её истории.

Меня зовут Анели. Мне уже целых восемь лет. Я давно научилась читать и писать. Но только недавно додумалась записать хоть одну историю. Может чуть позже у меня получится и ещё много записать рассказов няниных. Поживём – увидим.

Так вот. Я остановилась на том, что в семье свиной са-

мый младший совёнок-котёнок научился летать так же, как и его родители совы и братья его совята.

Продолжу. Семья та была не простая, а царская. В лесу волшебном жили-были разные звери и птицы. Совы были обычные. Серые. Это у них маскировка такая. Так лучше спрятаться можно. Но в этой семье, о которой я рассказываю, все совы были белые-белые. И котёнок-совёнок был точно таким же. Белейшим.

Котёнок понятия не имел о том, что он котёнок. Да это ведь и естественно.

Но пришёл черёд учиться совятам летать. Родители как могли подбадривали их перед первым полётом. Боязно было всем. Но всё же желание летать пересилило страх и совята подобрались к краю гнезда. И...

И вот тут-то, что удивительно для нас – людей, первым вылетел из гнезда самый младший совёнок-котёнок. И настолько ловко у него получилось вылететь, так мягко он приземлился, что совята, его братья, один за другим прыгнули вниз. Радости не было предела. Хотя в начале и было страшно, но лёгкость прыжка младшего братца показала им, что нет страха в полёте.

Но вниз-то, сами понимаете, легко лететь. А как обратно в гнездо взлететь?

И тут не растерялся самый младший братец-котёнок. Как уж ему удалось взлететь – непонятно, но он взлетел. Именно взлетел, а не взобрался по дереву. Он оттолкнулся от земли всеми лапами и подпрыгнул легко вверх. В одно мгновение он оказался в гнезде.

И снова подал пример старшим свои братцам. И вновь они вслед за ним взлетели так же легко.

Потом уже котёнок научился вылетать не только из гнезда, вместе с родителями он летал и на ближайшее поле, и в деревеньку, что была расположена недалеко от их волшебного леса.

Много ли времени прошло с начала полётов всех совят, неизвестно, но однажды эту необычную семейку заприметили жители деревеньки, над которой им случалось пролетать. И дети, и взрослые удивлённо кричали вслед совам: "Кот летит. Вы видели? Кот летит как птица! Наверное это волшебный кот!"

Как ни странно, в деревне отнеслись к полётам совсем

нелетучих животных с улыбкой на устах только баба Ника и дед Корен. Они говорили, что летучие белые коты-совы – это знак. Добрый знак. Знак того, что мир не стоит на месте, что в скором времени и люди будут летать так же легко и свободно, как птицы.

Я вот думаю, будет ли так? Уж очень мне самой хочется взлететь в небо, посидеть на ветке, а потом снова лететь и лететь. И если это будет скоро, то возможно когда-то я встречу этого белого котёнка-совёнка. Хотя теперь уж он вырос наверное. А может и всю его волшебную семью встречу из удивительного леса. Леса, в котором и коты летают как птицы.

Праздник цветения вереска

Долли собиралась на праздник. Завтра ровно в полдень она должна прибыть к королевскому двору. Мышь полевая – королева местного луга – пригласила всех жителей Лугового Королевства к себе на приём в честь весеннего праздника – верескового цветения. В тот день обещали появиться и соловьи. Они крайне редко залетали на этот луг, уж очень далеко он располагался. Далеко от тридесятого царства, где была родина соловьев. Но всё же они решили заглянуть на дальний луг, потому что начинался праздник вереска. Он начался... задолго до его цветения...

Он начался в холодный промозглый день, в тот день был лютый мороз. Птицы замерзали на лету. Звери стучали зубами от холода. Мир, казалось, собрался заледенеть весь. Но мышь, тогда она ещё не была королевой, а была простой серенькой полёвкой, решила, что дело пускать на самотёк не стоит.

И, чтобы не погибли её соседи Мышины, она начала согревать их сказками, которые лились из неё рекой. Хоть мышка и сама периодически постукивала зубами от холода, всё же сказки согрели не только соседей Мышиных, соседей Лосевых, Хомяковых, Кротовых, Зайцевых, но и её саму. А

потом она придумала танцевать под сказочную мелодию, которую тоже выдумала немедленно, как только поняла, что ноги перестали слушаться от холода. И так вот, именно в танцах и в сказочных песнопениях, прошла та зима. И ведь сказки, танцы, держание в объятиях своих близких (танцы были и парные, и хороводные) смогли помочь жителям луга и леса остаться в живых. И, стоило лишь морозам стихнуть, все зверюшки: малыши-мыши, зайцы, лоси и медведи решили, что им нужна мудрая королева, которая поможет не потерять голову от страха погибнуть от холода или голода. А наоборот – сплотит зверей и поможет выжить, и не просто выжить, но и выйти с честью из любой ситуации. Так собственно и случилась та история о которой я хотел вам рассказать.

Так вот, Долли из славной династии хомяков собиралась на праздник. И напевала песню, которая уже стала гимном Лугового Королевства:

Да будет свет в любом окошке,

Да будет радость побеждать,

Пусть будут полными лукошки,

Мы будем помнить, будем знать,

Что дружбою своею мы крепки,
Пусть даже будут будни нележки,
Мы победим морозы, победим,
Мы знаем – дружбой мир един.

Она щурилась от яркого солнышка, которое так и норовило пощекотать её своим лучом, она улыбалась воспоминаниям, которые предшествовали празднику цветения вереска.

Возможно, что вы недоумеваете – отчего же Долли улыбалась воспоминаниям? Ведь холода чуть не погубили луговое и лесное царство. Но она улыбалась тому, что именно морозы и тяжёлая жизнь помогли зверушкам сплотиться, и они своею дружбой спасли мир от неминуемой гибели. Радовалась Долли и умной мышке, ведь благодаря ей будет праздник, праздник расцветания дружбы, праздник цветения вереска.

Ямирана

Однажды Ямирана так сильно обиделась на маму, что решила уйти в лес.

– Пусть лучше волки меня съедят, пусть с медведем буду жить в берлоге, но домой не вернусь, – решила она, направляясь к лесу, слезы горечи текли ручьями.

И ноги сами понесли её к лесу.

Усевшись под первую же попавшуюся елку, положив рядом книгу, которую она захватила с собой, она от досады и обиды то хлопала ладошкой по земле, то топала ножкой от, как ей казалось, ужасной несправедливости.

Много ли времени она так просидела, неизвестно, но вдруг услышала, как кто-то аукает совсем недалеко от того места, где она нашла себе пристанище.

Притихла Ямирана, подумала, что будет лучше, если она не обнаружит себя ничем.

Слезы тут же высохли, обида притаилась. На поверхности осталось только любопытство и интерес.

– Кто же мог заблудиться в нашем лесу? – размышляла она. Лес-то не дремучий и темный, а наоборот, светлый и прозрачный.

И действительно, лес был светлый: березки белоствольные, сосны со стволами-мачтами цветамедового янтаря, от-

ражая солнечные лучи, создавали ощущение уюта и света. Несколько елей, правда, росли в этом небольшом лесу.

На всякий случай Ямирана перебралась поближе к стволу старой ели, и потихоньку стала выглядывать из-за колючих лап дерева.

– Аауууууу, – снова раздалось рядом.

И из-за сосен появилась старушка. Маленькая, хорошенькая, в светлой шляпке, украшенной лентой с бантом, в василькового цвета платице, и в белых атласных туфельках, в руках она держала маленькую сумочку серебристого цвета. Старушкой её назвать трудно было, так она была похожа на куклу, изящную, но давным-давно перешагнувшую вековой юбилей.

– Аауууууу, – негромко сказала старушка, – неужелия заблудилась?

– Аауууууу! – уже с нотой отчаяния произнесла старушка.

Ямирана не выдержала. Решив помочь бабушке, она подала голос.

– Бабушка, не кричите, пожалуйста, я помогу вам, – сказала она, и вылезла из-под елки.

– Ох, ты! – сказала старушка, щуря глаза, будто не могла разглядеть, кто же с ней разговаривает. – Кто здесь? – спросила она и достала из своей сумочки очки. Водрузив их на нас, она наконец «прозрела». И, увидев перед собой маленькую Ямирану, старушка галантно присела, красиво при этом держа себя за краешек платя.

– Доброго дня тебе, девочка! – ласково произнесла старушка.

Ямирана, подражая приветствию бабушки, тоже ухватила рукой край платица и наклонив голову, сказала:

– Здравствуйте, бабушка!

– Подскажи мне пожалуйста, милая девочка, кто здесь плакал недавно? – обратилась к Ямиране старушка. – Мне обязательно надо поговорить с тем обиженным человеком. Я прихожу на зов тех, кто меня призывает. Но плач прекратился, и я не знаю теперь, кому же нужна была моя помощь, – продолжила старушка.

Ямирана вспомнила, что еще недавно она сидела под елкой и заливалась слезами. И, вздохнув от этих воспоминаний, ответила грустно:

– Я плакала недавно.

И воспоминания нахлынули на девочку вновь. И она, сбиваясь и торопясь, рассказала, отчего она ушла в лес, и почему не хотела возвращаться домой.

– Понимаете, отец привез мне с ярмарки очень большую книгу, ой, как это я про неё забыла.

Ямирана быстро на четвереньках залезла под еловые ветви, и уже с улыбкой вынырнула оттуда с книгой. Отряхивая её от налипшей хвои, она протянула её старушке.

– Вот эту книгу!

На обложке толстой книги красовалась величественная ель, вся сверкающая яркими огнями, а ветви дерева были

украшены разноцветными шарами.

– Из-за этой книги я обиделась на маму и ушла из дома. Мама говорит, что читать мне ещё рано. А сама начнет читать мне эту книгу под Новый Год. Потому что в книге новогодние истории, а сейчас еще только лето! Понимаете, милая бабушка, я не могу так долго ждать. Я хочу уметь читать, мне уже четыре года, я почти взрослая. Но маме некогда учить меня. Она почти всегда занята. То курочек надо кормить, то стирать, то коровок с пастбища встречать и доить. И отец занят с утра до ночи.

Мне говорят, что когда я подрасту, то меня отправят в школу, и там я смогу научиться читать и писать.

Но понимаете, я не могу ждать! Я хочу уметь читать. Вот я и решила, что буду жить в лесу, пусть с медведями, пусть с волками, но я обязательно научусь читать. И книгу с собой взяла, надеюсь, что мне может самой удастся научиться читать. Если бы вы знали, милая бабушка, как я хочу учиться всему.

– Знаю конечно, маленькая моя девочка, именно поэтому я и пришла на твой зов. Я обязательно помогу тебе научиться читать. Если есть желание и силы учиться, то ничего невозможного нет, а если и учитель попадетсЯ хороший, любящий учить, то тогда и горы можно свернуть.

Достав из своей серебряной сумочки невесомое и прозрачное покрывало, старушка постелила его возле елки.

– Это умное покрывало. – сказала она. – Сидя на таком,

можно научиться читать уже к вечеру сегодняшнего дня. Ну что, начнем?

– Конечно, милая бабушка!

Ямирана, радостно улыбаясь, уселась рядом со старушкой на волшебном покрывале, и урок начался.

Бабушка, раскрыв книгу, показывая букву за буквой, говорила Ямиране о каждой так ласково, будто не буквы это, а её лучшие друзья. Ямирана впитывала всё так быстро, что, когда бабушка долистала книгу почти до конца, знакомя девочку с буквами, то последнее предложение Ямирана прочитала сама.

Прочла, и сама удивилась. Закрыв книгу, она вновь её открыла. И чтение настолько захватило её, что она начала читать сказку за сказкой. И каждая сказка увлекала её ещё больше. Бабушка, сидя рядом с ней, наслаждалась сказочными историями, прикрыв глаза, внутренне ликуя.

Она была рада, что смогла помочь в такой маленькой просьбе такому маленькому человечку. И что человечек этот оказался очень чувствительным и нежным существом. И радовалась она, что теперь, благодаря сказкам, Ямирана вырастет из маленького человечка в большого Человека. Потому что она знала наверняка, что люди, любящие читать, а тем более любящие сказки, вырастают настоящими людьми, которые смогут помочь каждому, кто нуждается в помощи.

Уж в этом она была уверена, потому что ей удалось увлечь чтением сказок не одно поколение людей.

Вот и вечер незаметно спустился. Опомнилась Ямирана. И засобиралась домой.

– Бабушка, как я вам благодарна, вы даже представить себе не можете! Вы – настоящая волшебница!

В восторге она бросилась обнимать и целовать старушку.

– И тебе спасибо, милая моя, я тоже тебе благодарна, за твою усидчивость и за твое неудержимое желание учиться. Это нам с тобой очень сегодня помогло.

Они крепко обняли друг друга ещё раз и расстались.

Ямирана вприпрыжку побежала домой, крича громко и задорно:

– Мама! Мамочка! Я умею читать! Читать! Я прочитаю тебе все сказки!

А старушка, подняв с земли невесомое покрывало, укуталась в него и исчезла.

Два царя

Жили-были два царя. По-соседски жили, рядышком. Только забор разделял царства-государства этих царей.

Один царь был весельчаком. Любил песни петь, стихи декламировать, да и сплясать, выйдя с крыльца королевского, для него было в порядке вещей.

Царство его было полно радости. Веселился не только царь. Глядя на него, на его веселый характер, все жители его царства-государства веселились от души, кто как мог.

Они, веселясь и смеясь, красили заборы разноцветными красками, сажали цветы таких сочетаний, что в глазах стояла цветная радуга. Девчонки и мальчишки были одеты в цветную одежду. Домики, построенные в этом городке, были чистенькие и такие веселые, что хотелось смотреть на них и улыбаться.

В царстве веселого царя всё подчинялось только радости. Коровы с радостью приносили молоко. Молоко было такое, что выпив кружечку такого молока от веселой коровы, все приезжие становились веселыми и смешливыми. Их было не унять от смеха и радости.

Шерсть от тамошних веселых овечек помогала весело согреть ноги в зимнюю пору. Из шерсти еще делали веселые и цветные валенки. В них было исключительно весело бегать

и кататься следяных гороки лепить веселых и озорных снеговиков.

Бабушки и дедушки в этом веселом царстве обладали удивительно веселыми характерами. Они так заразительно смеялись, что их любимцы коты подхватывали их смех веселый и разносили по округе. Мыши, услышав радостный смех котов, смеялись в своих норках так сильно, что услышав их смех, им вторили в своих глубоких норах подземные жители-кроты!

Царство это было такое... Такое... Веселое и разноцветное!

Другой царь был очень серьезным. Любил с серьезным лицом ходить по двору царскому. Думал о серьезных делах очень серьезно. Все подданные его царства тоже следовали примеру царя. И все ходили очень серьезные. Ни одной улыбочки было не увидеть ни на одном лице. Коровы давали серьезное молоко. Если заезжие люди выпивали такое молоко, то сразу же становились задумчивыми и серьезными.

Дома в этом царстве были серьезными. С серыми и серьезными лицами. Заборы, под стать домам, были тоже серыми и серьезными.

Мальчишки и девчонки не торопясь ходили по улицам, с серьезными личиками. И играли только в серьезные игры.

Цветов в этом царстве не выращивали. Везде были только серьезные зеленые газоны. Одежда была серьезной. Валенки были только серого и черного цвета. Ведь эти цвета были

серьезными.

И в один из летних дней налетел на эти царства-государства очень могучий и сильный ветер-буран.

Ветер пригибал деревья почти к самой земле. Срывал с людей шапки и шляпки. Потом над землей полетели заборы и люди. Вслед за ними полетели крыши домов. Все смешалось в небе. Все летело кувырком. Люди, крыши, коровы, цари, заборы, цветы, мыши, коты, шляпы и шапки, овечки, столы и стулья.

Долго баловался ветер. Долго кружил он в небе людей и животных.

Но вот он и устал. И успокоился.

Оказались люди на земле. Заборов не видно. Домиков нет. Как понять людям, где теперь их царство? Никак не могли они определиться.

Но делать нечего. Жить-то надо где-то. Пришлось все начинать строить заново.

Запели весельчаки песни веселые и радостные. Понравилось людям с серьезными лицами строить с такими песнями дома. И работа пошла быстрее и веселее. Подхватили эту песню и другие люди, и у них стала спориться работа. Потихоньку-помаленьку строились домики, разрослись между ними заборчики. Стали красить их серьезные люди, но с веселыми песнями домики и заборы получились веселыми.

Одна дощечка серая, другая красная, одна серая, другая желтая, потом зеленая, розовая и голубая. И все заборы по-

лучились цветными. Радужными, разноцветными.

Ветром буйным разнесло семена цветов по всей земле. И выросли везде из семян и маки, и васильки, и колокольчики, и ромашки, и гвоздики, и лютики.

Коровы на лугу наелись травы с цветами полевыми, и стали давать веселое цветочное молоко.

Коровы веселые перемешались с серьезными коровами. А серьезные коровы, поев травы с цветочного луга, стали все веселые. Овечки были рядом с коровами, и с ними произошло то же самое.

Дети бегали по лугам, веселясь и радуясь.

А царей все не было видно. Наверное, ветер буйный унес их далеко.

А ветер и вправду унес их далеко-далеко. Когда поток ветра поднял их с земли буйным своим натиском, они успели схватить друг друга за руки, да так их ветер и носил по небу кругами да спиральями.

То к небу высоко-высоко забросит, то к земле низко-низко опустит. Летали долго, успели и напугаться, и нарадоваться. То корова рядом пролетит, то стул. От коровы успели увернуться, а то зашибла бы она их. То от дерева высокого боком удавалось уйти с потоком воздуха. А на стуле веселый царь в полете еще и посидеть успел. Да стул потом к земле прибило.

Долго они по небу летели. Но где бы они так на землю красивую посмотрели? Только с высоты всё и видно. Ну успели они, конечно, и наговориться в высоте небесной, и посме-

яться, хоть пыль и летела в глаза, да скрипела на зубах. Там в полете и подружились цари крепко-накрепко.

И когда ветер стих и опустил их на землю в далеких краях, пришлось им долгой дорогой возвращаться на родину свою.

И вот наконец-то они и дошли в свои родные края. Стоят, смотрят, и понять не могут, где же чье царство. Все перемешалось. Все стало цветным. Все стало одним царством-государством.

Подумали цари, подумали. Запели вместе песню веселую. Потом сплясали. И решили, что будут править вдвоем одним государством.

Пожали друг другу руки. Обнялись по братски. И пошли строить дворец один на двоих!